

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1946

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Никитин С. — Русская политика на Балканах и начало Восточной войны	3
Смирнов И. — О путях исследования русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	30
Мавродин В., проф. — Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV — XV вв.»	45
Юшков С. — К вопросу об образовании русского государства в XIV — XVI вв. (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	55
<u>Мирошевский В.</u> — Хосе-Гаспар Франсия — вождь парагвайской революционной демократии (1814—1840)	68
Неусыхин А. — Эволюция собственности и свободы в родоплеменном и варварском обществе	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Сидоров А., проф. — Библиотека внешней политики «История дипломатии». Том II. Дипломатия в новое время (1872 — 1919)	100
Ростовский С. — Библиотека внешней политики. «История дипломатии». Том III. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939)	107
Толстов С., проф. — Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского . . .	113
Тихомиров М. — Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского	124

РЕЦЕНЗИИ

Покровский С., проф. — Мордвинов Н. Избранные произведения	129
Елифанов П. — Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. I.	134
Горянов Б. — «Византийский сборник». Издательство Академии наук СССР М.—Л. 1945	136
Бушуев С., проф. — Рапп Дж. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876— 1878 гг.	140
Яцунский В. — Новые работы по истории картографии США	143

ХРОНИКА

Жунков В. — Институт истории Академии наук СССР в 1945 году	146
Дружинин Н. — Заседание памяти декабристов	149
Семёнов В., проф. — Защита диссертаций в Московском государственном педаго- гическом институте имени Лезина	151
Анпилогов Г., Верховень Б. — О дипломных работах студентов отделения: истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государствен- ного университета имени М. В. Ломоносова	154
Историческая наука за рубежом	156

ЭВОЛЮЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ В РОДОПЛЕМЕННОМ И ВАРВАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

I

Настоящая статья представляет собою усиленную попытку резюмирования основных идей, лёгших в основу нашей монографии «Собственность и свобода в варварских Правдах» (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв.), но не в виде простого перечня выводов, а в форме сведения результатов конкретного исследования в общую картину и их теоретического осмысления. Само это исследование родилось из стремления автора приблизиться к возможно более конкретному пониманию процесса перехода от родоплеменного уклада к варварскому обществу и к начальным стадиям классового общества и возникновения феодальных отношений в варварских государствах Западной Европы V—VIII веков. Автору представляется наиболее целесообразным следить за закономерностями развития варварского общества по изменениям характера собственности и реального содержания свободы, которые и служат ориентирующей нитью в изучении хода этого процесса.

В специальной иностранной литературе собственность и свобода в варварском обществе нередко трактуются в духе категорий феодального или буржуазного общества, причём весьма часто происходит механическое перенесение этих категорий на социальный строй родоплеменного или варварского общественного уклада. Между тем как раз социально-экономические отношения таких переходных эпох, в течение которых только ещё складывается классовое общество, не поддаются определению и истолкованию при помощи категорий этого последнего и нуждаются в применении особых, более адекватных им категорий.

В иностранной исторической литературе, правда, были уже сделаны попытки приступить к выработке новых научных понятий, которые помогли бы уловить специфические особенности собственности и свободы указанного переходного периода. Так, Гальбан-Блюменшток¹ показал, как различны права общинной собственности и семейно-индивидуального владения на разные земельные угодья по Салической Правде. Гекк² и Виттих³ пытались поставить вопрос о природе свободы в варварских Правдах каролингской эпохи (главным образом Саксонской и Фризской) и даже наметить её градации в виде полной и неполной, «ущербной» свободы, которым соответствовало бы разграничение широкого слоя свободных соплеменников на полноправных свободных (Vollfreie) и менее свободных (Minderfreie). Рамм⁴ на англо-саксонском и скандинавском материале предложил ещё более сложное деление свободной массы варварского племени на следующие группы: рядовых свободных (Gemeinfreie), полноправных свободных (Vollfreie) и свободных высшего разряда (Hochfreie). Аналогичное деление проводит К. Маурер на скандинавском

¹ Halban-Blumenstock A. «Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums». Innsbruck. 1894.

² Heck «Die altfriesische Gerichtsvorfassung». Weimar. 1894; «Die Gemeinfreien der karolingischen Volksrechte». Halle a S 1900, «Die Standesgliederung der Sachsen im frühen Mittelalter». Tübingen, Mohr. 1927.

³ Wittich «Die Frage der Freibauern». Weimar. 1901.

⁴ Rhamm «Die Grosshufen der Nordgermanen». Braunschweig. 1905.

материале (см. ниже). Чэдвик¹, Поллок и Мэтленд², Либерман³ и др. занимались выяснением градаций свободы у англо-саксов.

Однако все эти попытки не выводят нас за пределы чисто юридической трактовки проблем собственности и свободы в варварском обществе. В частности, Гекк принял намеченные им градации саксонско-фризского общества за сословия, а потому вся развернувшаяся вокруг его работы полемика пошла по линии обсуждения так называемой сословной проблемы без предварительного уяснения допустимости самого применения категории «сословия» к анализу социального строя тех племён, которые находятся на стадии перехода от бесклассового общества к классовому. И анализ собственности не пошёл далее выяснения её юридических оттенков. При этом задача реконструкции специфичности варварского общественного строя во всей его конкретности не только не была выполнена, но не была поставлена достаточно отчётливо. Однако упомянутые работы попутно привели к ряду интересных наблюдений.

Автор настоящей монографии стремится иначе поставить самый вопрос, а именно, показать неразрывную связь собственности и свободы и истолковать изменения этой связи как симптомы эволюции варварского общества в целом.

Сказанным объясняется и выбор источников для первой части монографии. Мы сосредоточили своё внимание прежде всего на тех Пrawdах, которые отражают эволюцию варварского общества в наиболее чистом виде, без сильного влияния римского права, и избрали близкие друг к другу памятники, допускающие сравнение (архаическую Салическую Правду и эдикт Ротари, которые допускают их сопоставление не только друг с другом, но и с саксонско-фризским кругом варварских Правд). Сопоставление производится путём изолированного изучения каждой Правды и последующего сравнения их друг с другом, ибо сравнение требует одинаковой степени изученности автором сравниваемых им объектов. Исключение сделано лишь для параллелей из англо-саксонских и скандинавских памятников, ибо они привлечены только в порядке иллюстраций, в качестве дополнительного подсобного материала. Работа построена главным образом на материале варварских Правд (Салической, Рипуарской, Правды франков-хамавов, Саксонской, Фризской, Лангобардской) с привлечением англо-саксонских законов, потому что автору важно было попытаться подойти хотя бы к частичному решению намеченной задачи путём изучения именно этих памятников, отражающих в силу самого их характера как раз повседневную практику обычного права.

Итак, наша работа посвящена исследованию процесса перехода от родоплеменного строя к варварскому государству.

Почему исследование этого процесса пошло по пути уяснения собственности и свободы в варварском обществе? Потому что на данной стадии общественного развития сочетание специфических форм первоначальной собственности с личной свободой её носителей ярче и полнее всего характеризует своеобразие лежащего в основе данного строя способа производства, который, в свою очередь, определяется ступенью развития производительных сил. Понимание своеобразия указанного сочетания в родоплеменном и в варварском обществах является, таким образом, ключом к раскрытию хода развития по направлению от первого ко второму.

И в том и в другом основном условии производства является земля, и отношение индивидов, как трудящихся субъектов, друг к другу, представляет собою в то же время и определённую форму их отношения к земле. Однако земля является основным условием производства и в дру-

¹ Chadwick H. «Studies on Anglo-Saxon institutions». Cambridge. 1905.

² Pollock and Maitland «History of English Law». Vol. I 1898.

³ Liebermann F. «Gesetze der Angelsachsen». Bd. I—III. Halle a. S. 1898—1916.

гих общественных укладах,—например в феодальном (особенно на ранних ступенях развития феодализма) и в рабовладельческом обществе,—и тем не менее там отношение трудящихся субъектов друг к другу и к земле абсолютно непохоже на то, которое характерно для родоплеменного и варварского укладов. Рабовладельческое и феодальное общество суть классовые общественные формации, в то время как в процессе перехода от родоплеменного строя к варварскому государству происходят как раз зарождение и возникновение классов. Следовательно, наша задача сводится к тому, чтобы выяснить ту специфическую форму взаимоотношения трудящихся субъектов друг с другом и их отношения к земле, которая присуща тем общественным укладам, где земля является основным условием производства, но при этом уровень развития производительных сил ещё не привёл к делению общества на резко выраженные классовые группировки (хотя их возникновение и намечается). Но выяснить эту специфическую форму — значит конкретно представить себе, чем же была в этих общественных укладах (родоплеменном и варварском) собственность трудящихся субъектов на землю, т. е. каково было их отношение к земле, и как складывались их отношения друг к другу в процессе производства. А так как они, — по крайней мере в основной своей массе, — выступают в варварских Правдах, как свободные, то выяснение этого их взаимоотношения сводится к установлению сущности и реального содержания свободы, а также и к определению тех её градаций и оттенков, которые возникали в процессе перехода от родоплеменного строя к варварскому государству, т. е. тех изменений, которые она претерпевала в связи с изменениями собственности. Ибо отношение трудящихся субъектов к земле (сфера собственности) менялось в тесной и неразрывной связи с изменением их отношения друг к другу (сфера свободы) и изменение первого определяло изменение второго. Наш ход мыслей вновь приводит нас к констатированной с самого начала необходимости выяснить особый характер этой неразрывной связи специфических форм первоначальной собственности на землю с личной свободой её носителей и при этом проследить ход развития этого сочетания.

Изучая варварские Правды, мы как бы присутствуем при самом зарождении собственности на землю, при выделении собственности трудящихся индивидов из собственности коллективной; процесс этого выделения и составляет главный объект нашего внимания в деле изучения форм собственности по варварским Правдам. Если временно отвлечься от отмеченной неразрывной связи форм собственности и свободы её носителей и сделать попытку изолированной трактовки этих форм, то прежде всего необходимо подчеркнуть следующее.

Изучать зарождение собственности можно лишь путём установления её специфических форм в том их виде, который реально создавался творцами этих форм в процессе их общественной жизни и отражался в их повседневной юридической практике и в их собственном юридическом мышлении, т. е. в так называемом обычном праве — без привнесения туда представлений о собственности, заимствованных из феодального, буржуазного или римского права. Ибо эти представления сложились в соответствующих классовых общественных формациях с развитыми формами собственности и не могут быть прилагаемы для характеристики её первоначальных форм, имеющих место там, где сама

собственность лишь возникает и процесс классовообразования лишь начинается. Конечно, ясное представление о развитых формах собственности совершенно необходимо для успешного анализа её начальных форм, но лишь в качестве критерия для суждения об этих последних, в качестве масштаба для сравнения: следует тщательно избегать отождествления (вольного или невольного) этих принципиально различных форм собственности друг с другом. Стремлением избежать такого отождествления, а отнюдь не склонностью к «юридизму» в историческом мышлении¹ и вызвана наша попытка реконструкции начальных форм собственности в том их виде, как их представляли себе сами её творцы. А эта попытка осуществима лишь путём анализа отражения форм этой ранней собственности в обычном праве. Отсюда законный интерес к юридическому мышлению варварских Правд и к их терминологии. То же относится и к понятию свободы.

Итак, первый наш вопрос гласит: что такое та собственность, которую Маркс называет «первоначальной»?

Сам Маркс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Определённая ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определённые отношения их между собой и к природе) — вот в чём, в конечном счёте, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нём собственности... Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в её азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего) субъекта (или воспроизводящего себя субъекта) к условиям его производства или воспроизводства, как к своим (разрядка наша.— А. Н.). Поэтому она будет принимать различные формы соответственно условиям этого производства»².

«Присвоение естественного условия труда (земли, как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, но предшествует труду, как его предпосылка. Индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим (разрядка наша.— А. Н.), относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует; главное объективное условие труда — это не продукт труда, а сама природа (разрядка Маркса.— А. Н.); с одной стороны — живой индивид, с другой — земля, как объективное условие его воспроизводства»³. Итак, первоначальная собственность — это, по Марксу, такая собственность, при господстве которой трудящийся (он же производящий или воспроизводящий себя субъект) относится к условиям его производства или воспроизводства как к своим, или, иными словами, при которой «индивид относится к объективным условиям труда» просто как к своим. По мысли Маркса, сущность собственности состоит именно в этом. «Но,— продолжает Маркс,— это отношение к земле как к собственности трудящегося индивида,... сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизменённым существованием индивида, как члена определённой общины (разрядка Маркса.— А. Н.), его естественно сложившимся бытием, как члена племени и т. д. Изолированный индивид так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить...» «Отношение к земле, как собственности, всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже

¹ Указанное отождествление само есть яркий образчик «юридизма», который мы как раз отвергаем.

² К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству» стр. 29. Рукопись 1857 — 1858 гг., опубликованная в 1910 году ИМЭЛ.

³ Там же, стр. 16 — 17.

исторически развитую форму. Тут индивид никогда не может выступать так резко обособленным, каким он представляется, существуя просто как свободный рабочий»¹.

«Естественно сложившаяся племенная общность или, если угодно, стадность есть первая предпосылка... присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.). Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средства труда, и материалы труда, и место для поселения, базис коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к собственности коллектива... производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек выступает только как звено (коллектива), как член этого коллектива, — он собственник или владелец»².

После этих дополнительных разъяснений становится совершенно очевидным то, что при толковании хода мыслей Маркса подразумевалось нами с самого начала, а именно: говоря об отношении трудящегося субъекта к условиям его производства (к земле), как к своим, и трактуя это отношение как самую сущность первоначальной собственности, Маркс, конечно, имел в виду общественное отношение трудящихся субъектов к земле; в соответствии со всем духом его учения он и не мог мыслить возникновение первоначальных форм собственности иначе, как возникновение определённого типа общественных отношений. Поэтому он и говорит об «отношении трудящихся субъектов между собой и к природе» и по той же причине подчёркивает, что первоначальная собственность сразу же и одновременно возникает и как отношение трудящихся индивидов к земле и как их отношение друг к другу (вспомним его формулу: «Но это отношение к земле, как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредствовано... существованием индивида, как члена определённой общины»)³ (разрядка наша. — А. Н.).

Следовательно, одна из центральных проблем первоначальной собственности сводится, по Марксу, к взаимоотношению между общиной и индивидом, и тем самым уже в самое определение первоначальной собственности, как некоего единства двух моментов — общинного и индивидуального, — включается намеченная нами выше неразрывная связь собственности на землю и свободы её носителя — в том смысле, в каком позитивное содержание этой свободы, в свою очередь, определяется той или иной формой отношения трудящихся субъектов друг к другу, т. е. той или иной структурой самой общины.

Но прежде чем мы перейдём к этой проблеме, мы должны уделить внимание ещё одной, не менее существенной черте «первоначальной» собственности, а именно: Маркс неоднократно подчёркивает, что трудящийся субъект (при господстве этой собственности) «относится к объективным условиям труда как к своим»⁴.

Что это значит? Маркс отвечает на это так: трудящийся субъект «с самого начала является не просто трудящимся индивидом, не абстрактно, но имеет в собственности на землю объективный способ существования, являющийся заранее существующей предпосылкой его деятельности... такой же, как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает и т. д.

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 17.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 16—17, 29.

в процессе жизни, но которые, как предпосылка, предшествуют самому этому процессу воспроизводства»¹.

Точно так же «присвоение естественного условия труда (з е м л и)... происходит не при посредстве труда, но предшествует труду, как его предпосылка»². «Действительное присвоение посредством процесса труда происходит при таких предпосылках, которые сами не являются продуктом труда, но представляются его естественными или божественными предпосылками»³. Или, иными словами, индивид относится к условиям труда как к своей собственности «не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они являются предпосылкой труда, т. е. производства». Поэтому-то он и «относится к условиям его производства и воспроизводства как к своим», «как к неорганической природе своей субъективности»⁴, т. е. на этой ранней стадии развития общественный человек ещё так тесно связан с условиями своего производства, что эти условия не создаются в результате воздействия общественного человека на внешнюю природу, а являются предпосылкой этого воздействия. Вследствие этого и отношение трудящихся субъектов к этим условиям производства приобретает характер собственности не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они его предпосылка.

Главное условие производства — «земля» — выступает как естественное условие труда, а не как уже подвергнутое общественному воздействию и видоизменению. «Рабочий относится к объективным условиям своего труда, как к своей собственности; это и есть естественное единство труда с его вещными предпосылками. Поэтому независимо от труда рабочий имеет предметное существование. Индивид относится к самому себе, как к собственнику, как хозяин условий своей деятельности»⁵.

Подобно тому как орудия труда первоначально возникают в качестве продолжения членов человеческого тела, так и условия труда первоначально присваиваются как естественные условия труда, как «неорганическая природа субъективности» трудящегося индивида, который и относится к ним «просто как к своим». А такое отношение индивида к условиям труда «предполагает определённое бытие индивида, как члена известной племенной организации или коллектива»⁶.

Это отношение сквозит в некоторых нормах обычного права ранней поры, например хотя бы в том, что Салическая Правда не считает нужным даже упомянуть о судьбе выморочного земельного участка, ограничиваясь лишь негативным запретом его наследования женщинами⁷. Как бы мы ни пытались конкретно представить себе способ использования этого участка, мы наталкиваемся на непреодолимые трудности: ни раздел этого участка между соседями на неясных для нас основаниях (между всеми односельчанами или лишь между ближайшими соседями? Поровну или в известной пропорции?), ни передача его в пользование кому-либо из них (которая прямо противоречила бы смыслу § 5-го) ни выделение его в качестве составной части какого-то запасного земельного фонда (может быть, с превращением его в пастбище?) не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным раскрытием дальнейшей судьбы выморочного надела. Единственное, что мы узнаём — да и то из более позднего памятника, из эдикта Хильперика⁸, — это то, что на подобные

¹ К. Маркс. Указ соч., стр. 17 (подчёркнуто Марксом. — А Н).

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 6 (подчёркнуто Марксом — А Н).

⁴ Там же, стр. 16—17 (разрядка наша — А Н).

⁵ Там же, стр. 4 (разрядка наша. — А Н).

⁶ Там же, стр. 29—30.

⁷ «Lex Salica», LIX (De alodis), § 5.

⁸ «Lex Salica». Capitulare, V § 3.

даделы претендовали соседи; но мы и по данным этого эдикта не в состоянии установить, в какие конкретные формы собственности или совладения выливалось осуществление этих претензий. Неуловимость этих форм и, главное, полное молчание Салической Правды о судьбе выморочного участка свидетельствуют прежде всего о том, что составителям этого памятника она представлялась чем-то само собой разумеющимся (так же как и содержание «свободы» каждого соплеменника), в то время как от нас она ускользает.

Несомненно лишь одно: выморочный участок не становился объектом индивидуальной собственности, ибо иначе на это было бы указано в той главе Салической Правды, которая посвящена порядку наследования и тем самым отражает как раз процесс выделения индивидуальной собственности из общинной; по способ общинного использования этого участка остаётся от нас скрытым, в то время как составителям Правды он представляется, с одной стороны, само собой разумеющимся, а с другой стороны, неподдающимся определённой фиксации в терминах собственности, что, может быть, объясняется многообразием возможных форм его общинного использования. А это и значит, что составители Правды ещё не окончательно утратили то исконное, первичное отношение трудящихся индивидов к условиям производства (в данном случае, к земле) «просто как к своим», которое «предполагает определённое бытие индивида как члена известной племенной организации или коллектива» (Маркс). Ко времени фиксации норм главы «De alodis» историческое развитие успело внести одно весьма существенное изменение в это отношение, в виде санкционирования передачи земельного участка по наследству, — правда, лишь в пределах первоначальной собственности, нас интересует не это новшество, а то отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу, которое имело место до его появления и следы которого сохранились ещё в самом порядке наследования главы «De alodis».

Как видим, оно опять-таки приводит нас к взаимоотношению между общиной и индивидом.

Однако это взаимоотношение может принимать весьма различные формы у разных народов и проходить различные стадии развития у одних и тех же народов. Вспомним ещё раз формулу Маркса: «Собственность означает... первоначально... отношение трудящегося... субъекта... к условиям его производства или воспроизводства, как к своим. Поэтому она будет принимать различные формы сообразно условиям этого производства»¹. «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение (т. е. коллективная собственность на землю), сама может реализоваться различным образом»².

Указанное Марксом различие форм первоначальной собственности в зависимости от условий производства сказывается прежде всего в том, что у варварских народов Западной Европы в начале нашей эры, говоря его же словами, «индивидуальная земельная собственность не выступает... как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а наоборот: община существует только во взаимных отношениях этих индивидуальных земельных собственников, как таковых» (разрядка наша. — А. Н.).

«Общинная собственность, как таковая, выступает только, как общая принадлежность индивидуальных поселений соплеменников и индивидуальных земельных займов. (Германская) община это — не субстан-

¹ К. Маркс Указ. соч., стр. 29.

² Там же, стр. 6.

ция, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция (как в восточной общине)»¹.

«Индивид относится к самому себе, как собственник, как хозяин условий своей деятельности. Так же относится он и к другим,—и смотря по тому, имеет ли эта предпосылка своим основанием общину в целом или же отдельные семьи, образующие общину, индивид относится к другим как к соучастникам в собственности, носителям общей собственности, или же как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим»².

Эта особенность общины у западноевропейских варварских народов в начале нашей эры свидетельствует о том, что ко времени фиксации норм их обычного права в варварских Пrawdах они уже успели проделать известный путь исторического развития, который и привёл к возникновению отмеченного Марксом своеобразия их общинного строя. Этим и объясняется то, что даже в наиболее архаических нормах этого обычного права столь трудно уловить первичное отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу. Очевидно, первоначальная собственность выступает в варварских Пrawdах уже в изменённом виде, а именно в качестве сочетания общинной собственности с индивидуальной — и притом градуированной — земельной собственностью на различные земельные угодья, которая ограничена или лимитирована общей собственностью (рода, племени или общины). Такой тип собственности складывается у древнегерманских народов, повидимому, ещё в эпоху родоплеменного строя, и к этому типу возникающей собственности вполне приложима характеристика, данная Марксом так называемой «германской» форме общины и приведённая нами выше. Намеченный ход мыслей расширяет путь к обобщению результатов проделанного нами конкретного анализа собственности и свободы по некоторым варварским Пrawdах.

Для того чтобы конкретно представить себе ту специфическую форму сочетания общинной и индивидуальной собственности на землю, которая характерна для древнегерманских народов в эпоху родоплеменного строя, необходимо исходить из структуры населённого пункта («виллы», по терминологии Салической Пrawdы). Этот населённый пункт — деревню или село — следует представлять себе в виде совокупности дворов или домохозяйств, объединённых в такую общину, «которая существует только во взаимных отношениях этих индивидуальных собственников, как таковых»³. Здесь «предпосылка деятельности трудящегося субъекта»⁴ «имеет своим основанием» не «общину в целом», а «отдельные семьи, образующие общину» (разрядка наша. — *А. Н.*), и поэтому «индивид относится к другим» не «как к соучастникам в собственности и носителям «общей собственности», а «как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим»⁵.

Совокупность домохозяйств представляет собою, таким образом, совокупность отдельных семей, образующих общину указанного типа, причём некоторые из этих домохозяйств могли иногда, в свою очередь, составлять небольшую домовую общину в виде расширенной семьи из представителей трёх поколений⁶. Как бы то ни было, но индивидуальными

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 15—16 (разрядка наша. — *А. Н.*).

² Там же, стр. 4 (разрядка наша. — *А. Н.*).

³ Там же, стр. 16.

⁴ Ср. там же, стр. 17.

⁵ Ср. там же, стр. 4.

⁶ Некоторые — впрочем, недостаточно ясные — указания на этот счёт содержит гл. LVIII Салической Пrawdы (*De chrenesciuda*).

владельцами некоторых земельных угодий — пахотной земли, виноградника, сада и огорода — являются здесь именно главы отдельных домохозяйств, выступающих в качестве производящих или трудящихся субъектов и тем самым играющие в доклассовом обществе ту роль, которая в классовых общественных формациях выпадает на долю непосредственных производителей. Собственность этих индивидуальных владельцев не только различна по отношению к разным земельным угодьям, но она неполна по отношению к любому разряду этих угодий, поскольку она ограничена общей собственностью всех обитателей данного населённого пункта. Такую форму собственности отражает древнейший текст Салической Правды¹. Градуированность земельной собственности на разные угодья вскрывается наличием различной системы штрафов за нарушение огороженного пространства, а также границ разных земельных угодий и за присвоение соответствующих продуктов производства. Как показывает анализ этой системы штрафов, наибольшей интенсивностью отличалась индивидуальная собственность на дом с садом и со всеми пристройками и вообще на всякую земельную площадь, обнесённую изгородью, затем — на виноградник, огород и пахотное поле (в убывающей степени), наименьшей интенсивностью — собственность на луг, нарушение границы которого вовсе не каралось штрафом (виновный в покосе чужого луга платится за это лишь утерей результатов своего труда), в то время как лес составлял общинную собственность, лишь используемую отдельными домохозяевами на определённых основаниях².

Однако индивидуальная собственность на любое из этих угодий (независимо от той или иной степени её интенсивности) не есть полная собственность, близкая по типу своему к частной собственности, ибо она лимитирована теми «взаимоотношениями этих собственников как тако-ых, друг к другу», которые и превращают совокупность домохозяйств в общину. Эта неполнота собственности отдельных домохозяйств, проистекающая из её лимитированности общинной собственностью всей их совокупности, явствует не только из уже отмеченного выше умолчания главы «De alodis» о судьбе выморочного участка, но и из порядка вселения *migrans*'a в виллу³, из отсутствия купли-продажи недвижимости и из сложной процедуры передачи имущества (в том числе, повидимому, и земли) путём «аффатомии», представляющей собою нечто среднее между начальным этапом возникновения заветания и зародышевой формой дарения⁴.

Отдельные домохозяева, которые с экономической точки зрения являются трудящимися или производящими субъектами, выступают в варварских Пrawdax с социальной стороны, как свободные.

На стадии родоплеменного уклада, отражённой в наиболее архаических частях Салической Правды, социальные градации в среде этих свободных трудящихся субъектов в полном соответствии с охарактеризованной выше ранней формой неполной собственности ещё отсутствуют, хотя уже и намечаются предпосылки имущественного расслоения. Но именно поэтому свобода носит здесь позитивный характер, ибо её содержание определяется взаимоотношением индивидуальных собственников, образующих общину. Как раз эти взаимоотношения производящих субъектов друг к другу, складывающиеся в процессе производства, представляют собой источник их свободы, а не про-

¹ Это положение подробно развито и аргументировано нами в статье «Свобода и собственность в варварском обществе по Салической Правде». «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. II, № 4. 1945, стр. 253 — 265. Поэтому мы ограничимся здесь лишь немногими его иллюстрациями.

² «Lex Salica», tit. XXVII, §§ 6—15, 16—19, tit. IX, Ad. 2. tit. VII, Ad. 11.

³ Ibidem, tit. XLV.

⁴ Ibidem, tit. XLVI.

стое противопоставление их социального положения несвободе раба. Ибо, во-первых, не рабы, а свободные составляли в родоплеменном обществе времён Салической Правды основную массу трудящихся субъектов, а, во-вторых, свобода этих последних не исчерпывается отсутствием их рабской зависимости от других лиц, а содержит ряд положительных признаков, и притом как раз таких, которые характерны именно для домохозяев — общинников отмеченного нами типа.

Эта свобода сводится к **полноправию** и характеризуется совокупностью таких прав, которые определяются положением свободного домохозяина в общине и его положением как трудящегося субъекта, являющегося членом племени, а потому и складываются в самом процессе общинно-индивидуального хозяйствования (или производства) и совладения. Эти права отличаются двумя весьма любопытными чертами: во-первых, они являются в то же время и обязанностями, а, во-вторых, некоторые из них, строго говоря, даже трудно назвать правами, так как они являются чем-то само собою разумеющимся, непосредственно вытекающим из положения индивида в коллективе, в то время как «право» предполагает наличие чего-то опосредствованного. Вряд ли можно всерьёз трактовать как «право» принадлежность свободного производящего субъекта к «роду», ибо, скорее, наоборот — она-то и определяет его права как сородича, а между тем в этой принадлежности коренится его «право» стать членом хозяйственного коллектива, и отсюда, в свою очередь, проистекает позитивное содержание его свободы.

Права, составляющие содержание этой свободы, сводятся к наличию владельческих прав на земельный участок и пользование неподелёнными угодьями (со всеми вытекающими отсюда имущественными правами), к праву ношения оружия и участия в сотенных или окружных судебных собраниях. Любое из этих прав является в то же время и обязанностью его обладателя: владение земельным участком обязывает соблюдать правила пользования различными угодьями, в порядке охарактеризованной выше разной интенсивности индивидуальной собственности на каждое из них, и считаться с интересами совладельцев в деле допущения новых поселенцев и эксплуатации неподелённых земельных территорий; право ношения оружия есть в то же время обязанность каждого свободного соплеменника выступать в качестве члена народного ополчения, а неявка в судебное собрание карается весьма строго.

Таким образом, отмеченные выше две черты полноправия свободного трудящегося субъекта в родоплеменном обществе лишь на первый взгляд кажутся парадоксами его свободы, ибо на самом деле они теснейшим образом связаны с генезисом этого полноправия из специфического характера первоначальной собственности, возникающей одновременно и как отношение трудящихся субъектов к земле и как их отношение друг к другу.

Наличие родоплеменной, а иногда (как, например, в Салической Правде) лишь дружинной знати, а также сравнительно небольшого числа полусвободных и рабов не меняет на данной стадии того основного факта, что главная масса племени состоит из равноправных свободных, являющихся в то же время трудящимися субъектами, объединёнными в общину совладельцев.

Переход от родоплеменного уклада к варварскому государству характеризуется изменением формы собственности и ростом социального расслоения. Изменение прежней формы собственности идёт в сторону усиления роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счёт общей собственности всей совокупности обитателей населённого пункта. Симптомами этого процесса являются такие факты, как распространение прав наследования выморочного участка на лиц женского пола

с одновременной отменой притязаний соседей на этот участок (эдикт Хильперика, § 3) и переход от «аффатомии» времён Салической Правды к практике завещаний и земельных дарений с предпосылками прекария.

Процесс этого перехода весьма ясно отражён в эдикте Ротари¹. В этом памятнике дарение первоначально выступает в форме устного завещания или передачи имущества через посредников, наподобие «аффатомии»², причём право на такую передачу обставлено целым рядом ограничений в пользу законных наследников дарителей³; но впоследствии подобные акты настолько учащаются, что повседневная практика дарений приводит к возникновению такой их формы, которая уже близка к прекарию — передаче малоимущим свободным соплеменником своего земельного владения состоятельному лицу с оговоркой о сохранении за дарителем до его смерти права пользования переданным владением и с постулируемой эдиктом пожизненной материальной помощью, оказываемой дарителю со стороны получателя⁴.

Параллельно с распространением этих новых форм дарения у лангобардов идёт и процесс разложения или распада так называемой большой семьи, или домово́й общины: так, если один из братьев, оставшихся совместно жить в общем доме после смерти отца, получал что-либо в качестве дарения, то это становилось его личной собственностью, точно так же как приобретённое им на личной службе у короля или герцога, в то время как захваченная на войне добыча поступала в общую собственность неразделившихся братьев, а в случае женитьбы одного из них «мета» (приданое, покупная цена жены) уплачивалась из их общего имущества⁵.

Как видим, даже в недрах не распавшейся ещё большой семьи уже разграничивается индивидуальная и общая собственность, но нередко дело доходит до полного её распада путём прекращения общего хозяйствования братьев; в таком случае происходит раздел их имущества поровну. Когда такие разделы становятся повсеместным явлением и когда братья начинают основывать отдельные хозяйства ещё при жизни отца, тогда домохозяева, составляющие население деревни, превращаются во владельцев, стоящих во главе малых индивидуальных семей. Однако и этот процесс, повидимому, завершается не сразу, и в течение долгого времени деревня носит в этом смысле смешанный характер, т. е. состоит как из домохозяйств, представляющих собой большую семью, так и из таких домохозяйств, каждое из которых включает лишь одну малую семью.

Но и отмеченное выше усиление роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счёт общей собственности обитателей деревни приводит далеко не сразу к торжеству первой над второй, — несмотря на широкое распространение практики земельных дарений и на возникновение нового порядка наследования, зафиксированного для франков эдиктом Хильперика, а для лангобардов — эдиктом Ротари⁶. Ибо наряду с этими новыми явлениями этот последний отражает и те архаические черты индивидуальной собственности, с разной степенью её интенсивности по отношению к различным земельным угодьям, которые характер-

¹ Кратко сформулированные здесь выводы из анализа эдикта Ротари подробно аргументированы в той главе настоящей монографии, которая посвящена понятию свободы по эдикту Ротари и сдана в печать в виде статьи в сборник Института истории АН СССР памяти акад. Д. М. Петрушевского («Средние века». Вып. II, печатается), ср. также нашу статью «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.» («Средние века», Вып. I, 1942).

² R_o, § 172.

³ R_o, § 168, 171.

⁴ R_o, § 173.

⁵ R_o, § 167. «De fratres qui in casem communem remanserent».

⁶ R_o, § 153—163.

ны для родоплеменного уклада. Однако, если индивидуальная собственность и не сразу торжествует над общей собственностью, то усиление её роли всё же приводит к возникновению новой её формы, при которой не только постепенно отпадают отмеченные выше признаки неполноты индивидуальной земельной собственности, разной степени её интенсивности и её ограниченности общей собственностью, но и узаконяется переход недвижимости из рук в руки как путём дарений, так и путём прямой купли-продажи земельных владений.

В соответствии с ростом этой новой формы собственности идёт и возникновение социальных градаций в среде свободных. Имущественное расслоение уже приводит к возникновению различных социальных статусов внутри общей массы свободных, и соответственно дифференцируется самое понятие свободы, которое становится многозначным. Эта многозначность — симптом социальной дифференциации и лежащего в её основе процесса классовообразования, а поэтому уловление разных значений «свободы» в варварском обществе важно для установления разных этапов процесса классовообразования, который тоже проходит ряд ступеней и отличается многообразием оттенков и переходов.

На ранних ступенях возникновения новой формы собственности и расслоения в среде свободных в соответствующих варварских Правдах ещё отсутствуют прямые указания на наличие разных социальных статусов внутри свободных, но имеются свидетельства в пользу их зарождения: а) в виде колебания вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду, б) в виде патроната одних свободных над другими и, наконец, в) в виде применения различных терминов для обозначения разных категорий свободных¹. Колебания вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду находим не только в эдикте Ротари с его приёмами определения вергельда убитого каждый раз «сообразно его качеству», «родовитости» или «знатности» (*secundum qualitatem, generositatem personae, id est in angar gatthungi*)², но и в западно-норвежских памятниках обычного права («*Gulathingsslög*» и «*Frostathingsslög*») и в законодательстве короля Magnus Lagaboetir XIII века.

В западно-норвежских сборниках права *höldar* — представители привилегированного слоя внутри широкой массы равноправных свободных (*bondi*) отождествляются с «*odalborinn men*» — людьми, которые с обеих сторон «*odalborinn*», т. е. являются обладателями родовых земельных владений, — «*odal*», причём эти владения издавна переходят по наследству в пределах одного рода или одной семьи по прямой нисходящей линии мужских потомков. И вот в законах Magnus Lagaboetir устанавливается новый порядок исчисления вергельдов этих «*höldar*» (которых отнюдь не следует просто-напросто отождествлять со знатью, ибо таковая возвышалась над ним в виде землевладельцев — «*lendirmen*»). Согласно этому порядку, вергельды и пени тех или иных «*höldar*» должны определяться каждый раз особыми оценщиками, и при этом высота вергельда и пени в каждом отдельном случае зависела не от положения данного лица, а от того, к какому роду из числа привилегированных родов («*höldsætt*») оно принадлежало и каковы были размеры земельных владений этого рода («*odal*»-«*Stammgut*»)³. Патро-

¹ Все эти свидетельства подобраны и анализированы нами в III главе нашей монографии «Саксонские фрилинги и эделинги (в свете данных фризских, англо-саксонских и скандинавских памятников)». Здесь приводятся лишь наиболее характерные иллюстрации общих положений.

² R₀, §§ 11, 14, 48, 74, 75, 141, 378 (ср. вышеуказанные наши статьи о лангобардах).

³ Изложено по следующим работам Конрада Маупера: 1. *Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte*, Bd. I; «*Alt-norwegisches Staatsrecht*», S. 125—134. Leipzig. 1907; 2. «*Die norwegischen Höldar*». «*Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen*

нат одних свободных над другими засвидетельствован прямыми данными эдикта Ротари¹, уэссекских законов Инэ и Альфреда², «*Lex Frisionum*»³, а также косвенными указаниями «*Lex Saxonum*»⁴.

Различие терминов, обозначающих разные категории свободных, характерно в равной мере и для эдикта Ротари с его выделением особого слоя «*fulcfree*» внутри широкой массы «*liberi*»⁵ и для норвежских памятников, которые обозначают разные слои свободных при помощи различных терминов: «*arborinn men*» (социальная группа, охватывающая равноправных свободных и либертинов высшего разряда, наподобие лангобардских «*fulcfree*» и англо-сакских «*folcfrý*»), «*bondi*» (широкая масса полноправных свободных собственников), «*höldar*» (привилегированный слой обладателей родовых земельных владений внутри этой массы)⁶, и, наконец, для законов кентского короля Уитреда⁷ 695—696 гг., где наряду с термином «кэрл» (простой свободный) уже фигурирует термин «*folcfrý*», охватывающий и всех свободных (наподобие того, как понятия «*frigman*» в более поздних законах Альфреда и Ательстана включают в свой состав и кэрлов, и эрлов, и вольноотпущенников высшего разряда)⁸.

Однако наличие всех трёх признаков зарождения разных социальных статусов внутри свободных не всегда выступает одновременно; и, в частности, имущественное расслоение не обязательно приводит к колебаниям вергельда свободных, в чём мы могли убедиться уже на примере Салической Правды.

Другой любопытный пример дают уэссекские законы Инэ (688—695) и договор Альфреда с Гутрумом (880—890), а также и некоторые другие англо-саксонские памятники, где при далеко зашедшем процессе классового образования вергельд простого свободного — кэрла — остаётся неизменным (200 шил.), несмотря на наличие имущественной дифференциации в среде кэрлов по их повинностям (*gafol*) в пользу государства (королевской власти) и частных лиц⁹.

Таким образом, и на более поздней стадии развития варварского общества единообразный вергельд членов данного социального слоя может покрывать весьма значительную пестроту реальных различий внутри этого слоя (кэрлы — свободные мелкие собственники и кэрлы — держатели с различными повинностями при тенденции расслоения кэрлов на свободное и зависимое крестьянство), что представляет собою явление, обратное колебаниям вергельда свободных при отсутствии резко выраженных социальных статусов в их среде. И то и другое лишнее раз подтверждает ту мысль, что вергельды сами по себе ещё не являются достаточным основанием для суждения о социальном статусе защищённых ими лиц. Но эти факты указывают кроме того и на

und historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Jahrgang 1889. Bd. II. Heft II, S 201—202, 204.

¹ Ro, § 167, 177, 225 (privatorum hominum obsequium). (Ср. указанные выше статьи о лангобардах).

² Ср. главфордат над кэрлами и эрлами у Инэ, 3, § 2 и у Альфреда, 4, § 2.

³ «*Lex Frisionum*», tit. I, XI.

⁴ «*Lex Saxonum*», tit. XXV, XXVI; ср. XLIV, LXII; «*Capitulatio*», XII, XIII. Nithard, «*Hist.*», IV, 2. Подробный разбор соответствующих текстов дан в главе о саксонских фринлингах и эделингах.

⁵ Ro, § 216, 224, 225, 257.

⁶ Изложено по цитированным выше работам К. Маурера.

⁷ Wihfred, 8 («*Gesetze der Angelsachsen*». Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I, S. 13. Halle a. d. S. 1903).

⁸ Само собой разумеется, что мы сближаем здесь лишь те памятники, которые по целому ряду соображений допускают подобное сближение.

⁹ Ср. «*Coetl on gafolland*» (Alfred and Cutrum § 2, — свободный, но экономически зависимый чиншевик) в сопоставлении с вергельдом чиншевик-уэльса (wealth gafol-gelda) у Инэ, 23, 3. Ср. также описание повинностей гебура в «*Rectitudines singularum personarum*», 4, § 1—2. (Liebermann, *Gesetze der Angelsachsen*. Bd. I, S. 446—447).

то, что процесс перехода к новой форме собственности и её утверждения может протекать различно и приводить к весьма различным социальным последствиям. Если мы мысленно отвлечёмся от многообразия возможных «путей и перепутий» этого процесса и постараемся уловить его основную тенденцию, то мы должны будем констатировать, что на более поздних ступенях развития варварского общества появляются различные социальные статусы внутри свободных с различными вергельдами, размер которых уже твёрдо установлен и фиксирован, и что при этом в *Правдах* некоторых народов различие вергельдов поставлено в строгое соответствие с размерами земельной собственности. Данные о различных социальных статусах внутри свободных с разными твёрдоустановленными вергельдами находим в амлеманских законах, где свободные делятся на «*primi*», «*mediani*» и «*minofledi*» с вергельдами в 160, 200 и 240 солидов и где все они тем не менее продолжают считаться членами широкого слоя свободных¹, а также в законе лангобардского короля Лиутпранда (от 724 г.), который уточняет формулу эдикта Ротари о взимании вергельда свободного сообразно качеству лица и разъясняет, как следует понимать это «качество», установив для «*primi*» в среде свободных («*exercitales*») вергельд в 300 солидов, а для «*minimae personae*» в 150 солидов². Но особенно любопытны указания англо-саксонских *Правд* и прочих юридических памятников Англии VII—XI вв. на соответствие этих статусов и вергельдов с размерами земельной собственности.

В уэссекских *Правдах* и в законах Северной Англии наряду с делением всего свободного населения страны на кэрлов и эрлов постоянно встречается и другое деление — по размерам вергельда — на *twelfhynde*, *syxhynde* и *twyhynde*. Установление соответствия этих двух приёмов классификации друг с другом представляет значительные трудности, во-первых, потому, что большей частью сами памятники прямо не указывают на эти соответствия, а, во-вторых, ещё и потому, что наряду со старыми социальными слоями кэрлов и эрлов возникают новые, и, в частности, растёт значение служилой знати — гезитов и тэнов. Однако если мы отнесём этих последних к разряду *twelfhynde* (на что имеются достаточные основания), то кэрлов можно будет отождествить с *twyhynde*. Правомерность такого отождествления явствует хотя бы из тех текстов законов Альфреда (871—899), где сопоставление дано по типу *twethynde*, *syxhynde* и кэрл³, а также и из передачи в *Instituta Cnuti* термина *twyhynde* (Alfr. 29) через *coerlman*⁴.

Не совсем ясным остаётся лишь социальный статус *syxhynde*: впрочем, известный намёк на него содержит передача этого термина при переводе текста глав 30 и 39, § 2 законов Альфреда в *Instituta Cnuti* через *radenhiht*, ибо этот последний термин исследователи единогласно толкуют как англо-саксонское обозначение промежуточного слоя, стоящего между гзнами и кэрлами⁵.

Законы Инэ и интенсивно использовавшая их частная компиляция X в., известная под названием «*Nordlead laga*», устанавливает соответствие между вергельдом жителя Уэльса и размерами его земельных вла-

¹ «*Pactus Allamanorum*», II, 36—38; *Lex Allamanorum*, XLV, LX.

² Liutprandi *Leges* § 62; «*Nunc autem statuere praevidemus quomodo sit ipsa qualitas consideranda. Consuetudo enim est ut minima persona, qui exercitales homo esse invenitur, 150 solidos componatur et qui primus est 300 solidos*».

³ Cp. Alfrid 10; 18; § 1—3; 29—31, 39, § 1—2; 40.

⁴ *Instituta Cnuti*, III, 5—8; quem quidem Angli dicunt *twyhynde* et alii *coerlman*. Cp. также передачу текста гл. 39, § 2 законов Альфреда в «*Instituta Cnuti*», а кроме того Ine, 19 и Aethelstan, VI, гл. 8, § 2 (930—940); см. по этому поводу комментарий Liebermann'a «*Gesetze der Angelsachsen*». Bd. III, S. 56, Halle a S. 1916; Bd. II, 1912. S. 381, 388.

⁵ Cp. Pollock and Maitland «*History of English Law*». Vol. I, p. 288—289; Liebermann. Op. cit. Bd. II, S. 180; Chadwick H. *Studies on Anglo-Saxon Institutions*, Cambridge. 1905, p. 88—89, 103.

дений: уэльсец, имеющий пять гайд земли, защищён вирой в 600 шиллингов и таким образом попадает в разряд «*syxhynde*»¹; вергельд уэльсца, обладающего одной гайдой, равен 120 шиллингам, половиной гайды — 80 шиллингам; безземельный житель Уэльса защищён лишь небольшим вергельдом в 60 шиллингов². Так как речь идёт здесь несомненно о свободных жителях Уэльса, а уэльсец с одной гайдой и вергельдом в 120 шиллингов, очевидно, такой свободный, который соответствует англо-саксонскому кэрлу, то из соотношения вергельдов англо-саксов и уэльсцев можно вывести и соотношение их земельных владений, определяющих высоту этих вергельдов. Если исходить из размеров вергельда англо-саксонского кэрла в 200 шиллингов³ (за исключением Кента, где он равен 100 шиллингам), то можно установить пропорцию вергельдов кэрла — англо-сакса и рядового свободного уэльсца, как 5:3 (200:120), а отсюда следует, что в Уэссексе кэрл с вергельдом в 200 шиллингов обладал, как правило, одной гайдой, а житель Уэссекса, обозначаемый как «*syxhynde*», мог обладать тремя гайдами⁴.

В дополнение к этому мы узнаём из «*Nordlead laga*», что кэрл, который приобрёл 5 гайд земли, обязанной несением государственной службы (to *cynges utware*) защищён вергельдом в 1200 шиллингов, а если его потомки в течение трёх поколений удерживали за собою это земельное владение и при этом обладают рыцарским вооружением, то они становятся тэнами (*gasidcundes cynges*). Но если они почему-либо этих владений не имеют, то они остаются кэрлами, несмотря на их происхождение от обладателя 5-ти гайд. Это значит, что переход кэрла в разряд тэнов зависит на обладании земельными владениями в 5 гайд с несением соответствующей службы в течение трёх поколений⁵.

Совершенно очевидно, что в Уэссексе и в Северной Англии уже с конца VII в. социальный статус и высота вергельда начинают зависеть от размеров земельных владений. Но в конце VII в. вступление в ряды служилой знати ещё не было обусловлено теми требованиями, которые в X в. формулирует «*Nordlead laga*»; поэтому закон Инэ различает гезит-кэндменов, имеющих и не имеющих земельные владения, и устанавливает для обоих разрядов различные пени за одни и те же проступки, причём кэрл по размерам

¹ Ine, 24, 2; *Wealh gif he hafað V hida, he bið sixhynde*.

² Ibidem, 32; *Gif Wilisc man habbe hide londes his wer bið 120 scill.; gif he tonne healfes haebe 80 scill.; gif he neaning haebb, 60 scilling*. То же самое в *Nordlead*, 7—8. Любопытно, что житель Уэльса, сидящий на чужой земле и несущий повинности (*wealh gafolgelda*), по тем же законам Инэ (Ine, 23, § 3) имеет вергельд в 120 шиллингов, а его сын — в 100 шиллингов; ср. Chadwick Нм. Op. cit., p. 91.

³ Ср. Alfred and Gutrum 2: «*Coerie ote on gafolland... to 200 scilla*».

⁴ Первый вывод несомненен, второй может быть оспорен. Ср. по этому поводу разногласия: Rhamm «*Die Grosshufen der Nordgermanen*», 1905. S. 736—737, 760; Liebermanн. Op. cit. Bd. II, S. 419. Последний полагает, что вергельд уэльсца мог быть и вдвое ниже виры англо-саксонского кэрла, что, впрочем, не так уж далеко от трёх пятах. Chadwick Нм. Op. cit., p. 92, принимая во внимание колебания вергельда рядовых свободных жителей Уэльса (от безземельного уэльсца до обладателя одной гайды) в пределах 60—120 шиллингов, правильно устанавливает градацию соотношения вергельдов уэльсца и англо-саксонского кэрла от $\frac{3}{10}$ до $\frac{3}{5}$. Но нас интересует в данной связи главным образом соотношение виры уэссекского кэрла и уэльсца — обладателя одной гайды как критерия для суждения о возможном числе гайд у «*syxhynde*».

⁵ *Nordlead*, § 9—12. Ср. комментарии Liebermanн'a. Op. cit. Bd. III, S. 238. № 4, № 9. Любопытно, что у уэльсцев дифференциация по размерам земельных владений и соответствующим им вергельдам кладёт грань не только между представителями знати (родовой или служилой) и рядовыми свободными, но и проникает в недра этого слоя, то время как в Уэссексе вергельд всех кэрлов одинаков. Однако и уэссекские кэрлы, как уже было выше отмечено, несмотря на единообразие их вергельда, резко отличались друг от друга по их имущественному, а также, повидимому, и земельному цензу.

пени поставлен ниже даже безземельного гезита¹. Однако уже в этих градациях сказывается начало того процесса, который в IX—X вв. приводит в англо-саксонской Англии к торжеству новой формы земельной собственности с соответствующим многообразием социальных статусов внутри свободных; обратной стороной этого процесса является зарождение предпосылок феодального строя в недрах варварского общества и идущее параллельно ему возникновение служилой знати.

Для этой поздней ступени эволюции варварского общества характерно не только наличие разных социальных статусов внутри свободных, но и многообразие промежуточных социальных слоёв, стоящих между свободными и несвободными, т. е. тех слоёв, которые впоследствии, в феодальном обществе, отчасти обнаруживают тенденцию к слиянию друг с другом, а отчасти перегруппировываются и перемещаются на новых основаниях. Так, во Фризской Правде в отличие от Салической Правды литы — уже не однородный слой, ибо у фризов имеются и такие литы, которые становятся патронами свободных (*liberi*)², а у кентцев, согласно закону Этельберта, уже в начале VII в. различались три разряда литов с разными вергельдами — в 80, 60 и 40 шиллингов³, причём вергельд высшего разряда был немного ниже вергельда кентского кэрла, который равнялся 100 шиллингам.

Сюда же относится и тот факт, что в норвежских сборниках обычного права различаются две (и даже три) группы вольноотпущенников: *frjalsgjafi*, прошедшие лишь первый акт освобождения — предоставление свободы, *leysingi*, проделавшие и второй его акт — уплату выкупной суммы патрону, и наконец, *leysinga sonr* — потомки *leysing*'ов, составляющие высший разряд либертинов.

Либертины низшего разряда — *frjalsgjafi* — отличаются от лейзингов тем, что в течение четырёх поколений сохраняют довольно значительную зависимость от патрона и несут ему повинности, в то время как лейзинги и их потомки до пятого поколения связаны с патроном гораздо более слабыми узами, к тому же всё более и более ослабевающими с каждым новым поколением так называемых сыновей, т. е. потомков лейзингов (*leysinga sonr*). Переход из *frjalsgjafi* в *leysingi* происходит либо в результате совершения второго акта освобождения (с символической процедурой угощения патрона пивом) либо механическим путём, по истечении соответствующего числа поколений. Таким же путём лейзинги приобретают полную свободу и независимость от патрона (наподобие лангобардского «*fulcree et haamund*»), с той лишь разницей, что они могут стать таким способом свободными уже в пятом поколении, а *frjalsgjafi* — лишь в девятом. Намеченные три разряда норвежских вольноотпущенников отличаются друг от друга различием в имущественных правах и разницей вергельдов. Любопытно отметить в этой связи, что лично свободный, но экономически зависимый *coerle on gaffolande* в договоре о разделе Альфреда с Гутрумом приравнен по вергельду (200 шилл.) к датскому *leysing*'у⁴.

Указанные градации внутри литов и либертинов означают появление различных оттенков полусвободы наряду с раз-

¹ Ine, 45; Ine, 51: в этой главе пеня гезита-землевладельца (*gesidcundes mon landagende*) вдвое выше пени безземельного гезита (*unlandagende*), а пеня этого последнего в свою очередь в два раза выше пени кэрла.

² «*Lex Frisionum*», tit. XI.

³ Aetelbert, 26; Gif laet ofslaed tone selestan 80 scill. forgelde; gif þane oferne ofaslaed, 60 scill. forgelde; done þridan — 40 scill. forgelde. Может быть, такое раннее появление градаций среди кентских литов объясняется локальными особенностями Кента.

⁴ Alfred and Gutrum, 2; *coerle de on gaffolande sit 7 heora hesengum... to CC scill.*

ными статусами свободы. Этому многообразию оттенков полусвободы соответствует наличие терминов, охватывающих свободных и либертинов высшего разряда («folcfrý» у англо-саксов¹, «arborinn men» у норвежцев, отчасти «fulcfree» у лангобардов).

Тем не менее знать — поскольку она фигурирует не как дружинная, а как родоплеменная знать — всё ещё включается отчасти в общую массу свободных, точнее, понятие знатности охватывается более широким понятием свободы (несмотря на наличие подчас очень резкой разницы в имущественном положении и вергельдах знатного и свободного). Так в эдикте Ротари, где отсутствует особый термин для обозначения родоплеменной знати, всё же встречается понятие *nobilitas*, которое включается в более широкое понятие свободы². Во Фризской Правде «*nobiles*» выступают в качестве носителей правовых норм наряду с «*liberi*», составляя, несмотря на всю разницу их социальных статусов, некую совокупность свободных соплеменников, в среде которых уже выделился привилегированный слой знати³. Такую же совокупность продолжают составлять англо-саксонские эрлы и кэрлы, объединяемые общим понятием «*frigman*», «*freo*» вплоть до IX в., несмотря на усиление дружинной знати и рост предпосылок феодализационного процесса⁴. Наконец, тот факт, что в первой части Саксонской Правды, в главах I—XX, в качестве носителей правовых норм выступают «*nobiles*», а во второй — «*liberi*», находит наиболее естественное и удовлетворительное объяснение в том, что *nobiles* — эделинги и *liberi* — фрилинги, несмотря на всю глубину различий между ними, — не только самостоятельные социальные слои, но и градации внутри широкой массы свободных.

Итак, мы имеем перед собою два как будто противоположных по своему историческому смыслу явления: с одной стороны, фиксацию разных статусов внутри свободных с идущим параллельно возникновением оттенков полусвободы, а с другой стороны, продолжающееся частичное включение родоплеменной знати в состав широкой массы свободных. Причину обоих явлений следует усматривать всё в том же (едином по существу, но различном по своим формам) процессе утверждения новой формы собственности на поздней стадии развития варварского общества и главным образом в неравномерном воздействии этого процесса на социальную структуру последнего.

Создавая такие предпосылки классовообразования, которые характерны уже для подготавливающегося феодального строя, он часто не в состоянии сразу разрушить те социальные различия, которые сложились в среде свободных ещё при переходе от родоплеменного уклада к варварскому обществу, а потому иногда приводит к сочетанию архаизма с резким социальным расслоением, как это и имело место у саксов. Поэтому самое наличие резкой отграниченности двух слоёв полноправных свободных ещё не позволяет трактовать их в качестве сложившихся сословий классового общества, ибо эта отграниченность может быть результатом заострения и, так сказать, «повторного воспроизведения» весьма архаических отношений, которые не только сохранились, но и углубились именно в силу указанной неравномерности воздействия новых форм собственности на социальный строй общества. По той же причине не следует принимать за сословия и многочисленные градации внутри свободных (а иногда даже и полусвободных) у лангобардов и англо-саксов до тех пор,

¹ Cp. Withraed, 8; подробнее см. главу о саксонских фрилингах и эделингах.

² Rotari, §§ 75, 378: «secundum nobilitatem suam».

³ Lex Frisionum, tit. I, §§ 16—21; XI, XXI.

⁴ Cp. Alfred IV, 2 (ge coerl ge oerl); Hlotare and Eadric, 5 (frigman mannan); Eadward — Gutrum, 7, I и др.

пока эти народы ещё находятся на стадии варварского общества, хотя бы и на самой поздней ступени его развития. Ибо сословия возникают лишь тогда, когда варварское общество перерождается в общество феодальное. Поэтому можно и должно говорить о возникновении в недрах варварского общества новых социальных групп, которые сложатся впоследствии в классы и сословия феодального общества (к таким группам относятся, например, газинды у лангобардов, антрустионы у франков, гезиты и тэны у англо-саксов, экономически зависимые, но лично свободные кэрлы у тех же англо-саксов — всё это предшественники будущих феодалов и зависимых крестьян). Но нельзя принимать за сословия старые родоплеменные социальные деления. Эти деления иногда ещё долго сохраняются, углубляясь и застывая, но чаще всего они перегруппировываются именно в ходе процесса классовообразования, в основе которого лежит превращение охарактеризованных выше форм собственности в феодальную собственность. Это превращение становится совершившимся фактом лишь тогда, когда свободные «трудящиеся» или «производящие субъекты» (по терминологии Маркса) начинают выступать как непосредственные производители, эксплуатируемые феодальными собственниками.